

А.А. Богатырёв

Тверь

‘LOREM IPSUM’ И «ГЕРМЕНЕВТИКА ПЕРЕВОДА»

‘Lorem ipsum’ and ‘Hermeneutics of Translation’

Andrey A. Bogatyrioff bogatyria@land.ru

Key words:

‘Hermeneutics of Translation’, effectiveness of decoding, sense synthesis versus text analysis; contrasting views on the notion of (interpretative) experience.

Ключевые слова:

«герменевтика перевода», результатцентризм в интерпретации, герменевтика vs «аналитика текста»; контрастные представления об опыте интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lorem ipsum // www. <Wikipedia.com>
2. Богатырёва О.П. Английские корни концепции аутентичности // Языковой дискурс в социальной практике. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. С.31-36.
3. Богин Г.И. Интерпретация текста: Учебно-методические материалы для студентов IV курса ДО и V курса ЗО отделения английского языка факультета РГФ. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995. 38с
4. Галеева Н.Л. Понимание текста как компонент деятельности переводчика художественной литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук:– Тверь, 1992. – 16с.
5. Жигалина В.М. Переводческая ошибка vs переводческое решение // Язык и его функционирование в межкультурной коммуникации. – Тверь: ТвГУ, 2004: С. 42-50.
6. Коршунова М.Л. Полифоническая организация голосов в художественном тексте и ее передача в переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 17с.
7. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп.— М.: Худ. лит., 1988.- 413 с.
8. Пиков Г.Г. Средневековье о «чужих»: арабы, монголы и индейцы глазами европейцев VIII - XVI веков // <http://students.gf.nsu.ru/> et alt. (20 июля 2006).
9. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Стил (Международный журнал). – Бањалука – Београд, 2007. С. 11-26.

Textoid ‘Lorem ipsum’ is regarded as a model of philological inquiry concerning the archeology of text formation and meaning processing in original text versus its translation replica. The individuality of hermeneutic (holistic) approach against the background of analytical procedures in text translation studies is stressed.

На материале известного текстоида ‘Lorem ipsum’ в статье обсуждаются особенности «герменевтической» позиции интерпретатора по отношению к переводному тексту в области многообразных филологических разысканий. Автор статьи предлагает собственное, несколько романтизированное видение миссии герменевтики в исследовании переводных текстов.

00. Представленное ниже рассмотрение интерпретационных практик на текстоидном предметном образце может способствовать осмыслению (в несколько абстрагированном ключе) ряда частных вопросов из области проблематики возможной «герменевтики перевода», предполагающей приложение герменевтического подхода к эпитексту, т.е. «тексту по поводу исходного текста». При этом (намеренно отказавшись от пристального рассмотрения высоко-контекстных текстов культуры, преследуемых шлейфом многочисленных и часто дискуссионных интерпретаций) мы не стремимся и в данном случае к полному исчерпанию эвристического потенциала привлекаемого для рассуждения конкретного текстоидного предметного образца.

Полагаем, что в ответ на вопрос «как это (или то) соотносится с герменевтикой перевода?» на настоящий день естественнее всего спросить «а что это?». И мы задались этим вопросом. Из имеющейся литературы можно почерпнуть представление о последней как о «переводческой деятельности с пониманием» (Галеева 1992), как о критике (обычно не вполне удачных) переводных текстов (Жигалина 2004: 42), как о тестировании переводного текста на прослушиваемость лирических «голосов» (Коршунова 2008) или, скорее, о диффузном множестве упомянутых здесь и сродственных упомянутым филологических практик. Сама же их диффузность не позволяет нам говорить о них как о *сумме* ни в количественном, ни, тем более, в качественном отношении¹. Насколько сами эти практики в основе своей *герменевтичны*? Насколько они специфичны для декларируемой области филологических исследований? В чем собственно отличие «герменевтики перевода» от старой знакомой «герменевтики текста»? Как долго проживет «герменевтика перевода» в качестве номенклатурной единицы? Не постигнет ли это модное понятие участь планеты Плутон, уничтоженной Эридой?

Впрочем, ответ на последний вопрос связан с прояснением *связи* двух лексико-семантических компонентов в составе термина-композиата «герменевтика перевода», предполагающим также некоторое прояснение и того, «что собственно есть герменевтика» и того, что «по праву может считаться переводом». Спешу заметить, что мы не ставим целью развенчать сам термин «герменевтика перевода» (скорее напротив – выстроить соответствующее понятие). Однако, в эпоху широкомасштабной девальвации гуманитарных понятий, нас смущает чреватая фальшью неясность его содержания (именно сегодня, когда едва ли не каждый первый из пишущих представляется «специалистом по дискурсу»). А между тем, «герменевтика перевода» – словосочетание красивое (ведь требование переводимости для текстов сродни стремлению к углубленному, герменевтическому пониманию текстов и, разумеется, к широкому распространению опредмеченных в них смыслов культуры). Среди математиков существует поверье, что верно составленное уравнение и выглядит «*красиво*», безукоризненно. Подобным

---

¹ Полагаем, что лишенное четко определенного организующего центра широкое понимание чего-либо сродни блаженному неведению.

же представляется нам *интуитивно* и название сей несколько расплывчатой области герменевтических штудий. В то же время конкретные схемы перехода от означенной интуиции к бытующим в литературе дефинициями и интерпретационными практиками вызывают *вопросы*, часть которых будет затронута в настоящей статье. Кроме того, в ней, весьма эскизно, представлена и моя (вероятно, на чей-то взгляд несколько экстравагантная) позиция в начертании возможного образа «герменевтики перевода».

0.1. Казус Lorem ipsum

Спешу заранее просить прощения у читателя, привыкшего к чтению в сборниках научных статей текстов в «научном стиле» за следующий ниже эпизод житейского нарратива, к тому же персонального характера. Прибегаю к нему вместо обычной для меня *критики интерпретационных практик* других.

Несколько лет назад ко мне (как к «любителю головоломок и к тому же лингвисту») обратился один знакомый человек (стихoved, аккуратист и педант) с предметным образцом письма ни ему, ни мне на момент обращения не известного.

«Манускрипт» располагался на оборотной стороне обложки (полученного откуда-то из далека, – кажется, из Италии) стандартного компакт-диска (CD) и внешне представлял собой приятного зеленого оттенка банальный компьютерный шаблон с заполняемыми полями, внешне соответствующий всем теперь уже приевшемуся окну web-страницы с боковой панелью гиперссылок и полем для основного текста.

0.1.1. Объектом рассмотрения выступало сообщение в центральном поле, начинавшееся «словами» '*Lorem ipsum...*'. Ниже приводится полный текст последнего.

'Lorem ipsum dolor sit amet, consectetur adipiscing elit, sed diam nonummy nibh euismod tincidunt ut laoreet dolore magna aliquam erat volutpat. Ut wisi enim ad minim veniam, quis nostrud exerci tation ullamcorper suscipit lobortis nisl ut aliquip ex ea commodo consequat. Duis autem vel eum iriure dolor in hendrerit in vulputate velit esse molestie consequat, vel illum dolore eu feugiat nulla facilisis at vero eros et accumsan et iusto odio dignissim qui blandit praesent luptatum zzril delenit augue duis dolore te feugait nulla facilisi'.

Просьба-предложение заключалась в том, чтобы

- a) как минимум (тождественный максимуму в случае возможных вытекающих непреодолимых в короткий срок затруднений, связанных с выходом на экзотический для дешифровщика язык) уточнить, на каком языке составлено данное сообщение;
- b) прочитать сообщение и передать адресату (желательно - дословно) всё, что там говорится;
- c) объяснить (в случае некоторых герменевтических затруднений на предыдущем этапе) смысл текста.

По крайней мере, в первом приближении поставленные заказчиком задачи *звучат* вполне *герменевтично*. Безотносительно к вопросу о наивности / лукавстве (элемент розыгрыша не исключался) поступившего предложения поучаствовать в решении списка поставленных задач², полагаю правомерным отнести решение означенных задач, а именно – определения языка источника (1), передачи смысла (4), передачи содержания (2) и семасиологической фактуры текста (3)³ к области «понимающей» переводческой деятельности на правах ее *деятельностных* конститuentов.

Итак, нам предлагалось понять и перевести сообщение, в то время как сама осмысленность записанного сообщения оставалась под вопросом. Справедливости ради отметим, что сам заказчик «расследования» *не исключал* категорически «технической» предназначенности сообщения, но лишь руководствовался естественным любопытством и уместной в деловой и технической сфере осторожностью и щепетильностью. (Что ж – перед иностранными кунштюками робеем.)

Ответные гипотезы родились как-то сразу:

Первая – о том, что текст сообщения **не** содержит инструкции в отношении размещенного на диске содержания и, следовательно, подлежит замене на соответствующий сообщению конструктора сайта или информационного (образовательного) компакт-диска.

Вторая – о том, что текст исходного сообщения содержит следы латинской лексики и грамматики, но не может быть отнесен на счет какого-либо из известных мне романских языков (впрочем, саму *идею* существования восходящего к латыни экзотического диалекта или пиджина нельзя было сразу полностью отбросить по причине *недедуктивности* методы ее верификации).

Третья – о том, что текст исходного, всё же латиноязычного, сообщения испорчен (о чем красноречиво свидетельствуют словоформы f-e-uga-it, dignissim, euismod, nibh, nonummy, (ca- / co- / do-)lorem etc.).

Четвертая – о том, текст исходного сообщения несет на себе отпечаток насыщенного глагольными формами сослагательного наклонения ритмизованного логико-моралистического авторского дискурса, гипотетически Цицерона либо его эпигона в лице Августина или кого-то другого из известных (или неизвестных) мне латинских авторов.

0.1.2. Спустя пару недель проверка из независимого источника (конкретно на <ruwiki.com>) подтвердила по сути все принятые гипотезы (за исключением гипотезы об экзотическом языке). Ниже в кавычках представлен полный (исчерпывающий поставленные вопросы) текст энциклопедической статьи из означенного благодатного источника.

---

² Справедливость требует указать, что в решении задачки у меня, разумеется, были конкуренты, как в лице отправителя бандероли, так и в лице других сведущих людей.

³ Нумерация пунктов задач здесь условна; любая критика её «естественно-логичного» характера приветствуется.

«Lorem ipsum»

Lorem ipsum — название классического текста-«рыбы». «Рыба» — слово из сленга дизайнеров, обозначает условный, зачастую бессмысленный текст, вставляемый в макет страницы. Lorem ipsum представляет собой искажённый кусок из философского трактата Цицерона «О пределах добра и зла», написанного в 45 году до нашей эры на латинском языке.

Lorem ipsum dolor sit amet, consectetur adipiscing elit, sed diam nonummy nibh euismod tincidunt ut laoreet dolore magna aliquam erat volutpat. Ut wisi enim ad minim veniam, quis nostrud exerci tation ullamcorper suscipit lobortis nisl ut aliquip ex ea commodo consequat. Duis autem vel eum iriure dolor in hendrerit in vulputate velit esse molestie consequat, vel illum dolore eu feugiat nulla facilisis at vero eros et accumsan et iusto odio dignissim qui blandit praesent luptatum zzril delenit augue duis dolore te feugait nulla facilisi.

В оригинале абзац выглядит так:

Sed ut perspiciatis, unde omnis iste natus error sit voluptatem accusantium doloremque laudantium, totam rem aperiam eaque ipsa, quae ab illo inventore veritatis et quasi architecto beatae vitae dicta sunt, explicabo. nemo enim ipsam voluptatem, quia voluptas sit, aspernatur aut odit aut fugit, sed quia consequuntur magni dolores eos, qui ratione voluptatem sequi nesciunt, neque porro quisquam est, qui dolorem ipsum, quia dolor sit, amet, consectetur, adipisci velit, sed quia non numquam eius modi tempora incidunt, ut labore et dolore magnam aliquam quaerat voluptatem. ut enim ad minima veniam, quis nostrum exercitationem ullam corporis suscipit laboriosam, nisi ut aliquid ex ea commodi consequatur? quis autem vel eum iure reprehenderit, qui in ea voluptate velit esse, quam nihil molestiae consequatur, vel illum, qui dolorem eum fugiat, quo voluptas nulla pariatur?» <ruwiki.com>.

И вот, казалось бы, у нас имелись веские основания для триумфа, коль скоро поставленная герменевтическая задача успешно решена к всеобщему удовлетворению, и не в последнюю очередь при активном задействовании рефлексии и минимума знаний латыни в объеме требований к студенту-второкурснику. Но вот вопрос – следует ли использованные в данном случае аппликативные модели и привлеченные аналитические процедуры и тем более практики их изложения расценивать именно как герменевтические? И если всё же не следует, то на каких основаниях? Но об этом несколько ниже (пт. 0.3).

Установлением уже общепризнанного цицероновского прототипического текста для *'Lorem ipsum'* мы обязаны ученому-латинисту из США м-ру Ричарду Мак-Клинтоку (prof. R. McClintock, Hampden-Sydney College in Virginia). Согласно опубликованным в сети сведениям, решающей зацепкой в атрибуции текста-источника (в начале 1990-х?) послужила одна-единственная низкочастотная словоформа *'consectetur'*. Сопоставление текстоида с цицероновским первоисточником позволило существенно расширить список буквальных совпадений между двумя документами, но, насколько нам на настоящий момент известно, пока не повлекло за собой

восстановления полной картины трансформации двух пассажей из сочинения Цицерона в компьютерный шаблон-текстоид⁴.

Полагаем, что в обосновании экспертного заключения о прообразе 'lorem ipsum' у Цицерона можно выделить *три зоны поиска*, под которыми понимаются **три круга чтения** – три сферы (т.е. опять же – круга) бытования и учета текстов: а) вычитательная (Цезарь – Цицерон – Ливий), б) положительная (низкочастотная словоформа у Цицерона) и (с) полная (вся сумма произведенных на латыни текстов, в том числе на настоящий день бесследно исчезнувших). Принадлежность джентльмена из Вирджинии, м-ра Мак-Клинтока, к держателям второго круга, то есть круга сохранившихся документов былых эпох, вызывает обоснованное уважение и одновременно делает его мнение по вопросу происхождения 'lorem ipsum' авторитетным. Однако, должны ли мы поставить знак тождества между авторитетным мнением в рамках второго круга чтения и исторически истинным окончательным вердиктом в рамках универсума латинской словесности, подразумеваемого нами под названием третьей зоны поиска?

Другой, едва ли не более сложный, вопрос в отношении археологи текстоида 'lorem ipsum', распространяется на вывод о его первоисточнике (в пт. 03) даже в случае (самого неожиданного) тождества истинного суждения о нем во всех означенных трех кругах латинской текстосферы.

02. «Иллюзорный» объект переводоведения

Не исключено, что самое **понятие** (точного) **перевода** является не более, чем филологическим мифом (мифическим понятием, навязываемым из прагматических соображений и принимаемым простодушными людьми на веру). При этом критическое его рассмотрение может привести к построению лежащей в его основе системы весьма шатких и принимаемых на веру допущений – презумпций, ключевая роль среди которых принадлежит **презумпции тождества** исходного (переводимого или переведенного) текста и (эпи-) текста, созданного с намерением произвести *аутентичный*⁵ исходному и тем не менее нетождественный ему субститут (идея *«нетождественного тождества»* текстов на различных языках).

Поскольку элемент тождественности («эквивалентности») едва ли может быть распространен на все без исключения характеристики исходного текста и эпитекта⁶ (т.е. текста по поводу другого текста), на первый план выдвигаются различные отдельные текстовые грани. Например, можно упомянуть следующие презумпции **тождества**

- а) авторского слова (целокупного смысла текста и формы его языкового существования);

---

⁴ Впрочем, существует версия, согласно которой текстоид 'lorem ipsum' был искусно «скомпонован» самим м-ром Мак-Клинтоком <http://leodaddy.livejournal.com/14896.html>

⁵ Весьма многосмысленное слово (см. Богатырёва 2007).

⁶ В то время как исходный текст может быть в точном смысле строго аутентичен лишь самому себе.

- b) авторства текстов (эпитекст обычно носит имя автора, а имя переводчика подчас опускается);
- c) смыслов текста;
- d) суммы значений текста (подстрочник);
- e) содержания текста (как суммы текстовых предикаций – Богин 1995: 8);
- f) композиционных и «игровых» форм текста (в том числе риторики сюжетно-фабульного баланса, стилевых, тематических, фокальных и пр. переходов, переносов в случае строфических жанров, а также с трудом поддающихся учету прочих форм тонкой эстетической организации текста);
- g) конфигурации пунктов (c), (d), (e) и, возможно, (f);
- h) социальной / культурной функции текста;
- i) тождества читательской аудитории (также весьма шаткая в диахронном, синхронном и иерархическом планах презумпция).

Кроме того, филолог, разумеется, всегда найдет возможным рассуждать о «претворении истории в текст», а также о таких соотносительных и «воздушных» категориях как стиль и жанр, структура, текстура и фактура текста и т.д. Как бы то ни было, само по себе учетное соотношение указанных точек контраста между исходным и переводным текстом, на наш взгляд, не порождает автоматически некую «герменевтику перевода».

0.3. Quid hermeneutici?

Вообще говоря, под искусством понимания мне как-то интуитивно представляется индивидуальность (несерийность) решения проблемы понимания, связанная с элементом свободного рискованного поиска и может быть также «вчувствования» в субъективность далекого (например, древнего, инокультурного) автора или, если угодно, «голоса текста». Риск герменевтического приключения связан не только с возможностью ошибиться в гипотезе либо выводах, но также с возможностью обращения в веру и правду отсутствующего / дистантного другого. Если понимание переводчика есть только деятельность, ремесло, а например, не приключение и переживание (связанное в том числе с освоением «чужих» смыслов), то в чем его *герменевтичность*?

Но что конкретно мы **сделали** на пути к нашему заключению о 'lorem ipsum'?

1. Установили связи in praesentiā.
2. Проанализировали текстоид с точки зрения грамматики и орфографии известного нам языка.
3. Соотнесли лексико-тематические структуры текста и контекста и оценили их как непересекающиеся.
4. Приложили имеющиеся в опыте жанровые модели текстообразования к «проблесковому» дискурсу текстоида.

5. Продемонстрировали познания в римских авторах в объеме прежней школьной (гимназической) программы (Кстати, в области прозаического сочинительства их, пожалуй, всего три – Ливий, Цезарь, Цицерон.).

Как можно видеть, все задействованные аналитических процедуры сводятся к *автоматическому приложению* имеющихся *готовых шаблонов* к предметному образцу. Иными словами в отношении текста *'Lorem ipsum'* я честно выполнил функции электронной вычислительной машины, электронного словаря, электронного справочника языков мира, электронной библиотеки, но только не «герменевтика»⁷. Одним из условий принятия образа интерпретации как герменевтической для меня выступает *несводимость* ее к соревнованию с электронной базой данных. Иными словами, «знание», которое добывается механическим путем, не имеет прямого отношения к герменевтике. Не назовем мы герменевтикой и самое успешное механическое вычисление, автоматически ведущее к предрешенному вышелушиванию смысла. Не назовем также мы прикладной герменевтикой понимание текста при опоре на опыт чтения без изменения последнего.

Заметим, что в случае *механической* (агерменевтической) критики переводного текста в качестве шаблона может выступать любое *привнесенное понятие или конструкт* (подобно тому как, например, Ю. Манн механически перенес конструкт М.М. Бахтина «карнавальность» с текстов Ф. Рабле на тексты Н.В. Гоголя, 1988: 5). В качестве такового может вполне выступать «полифония» без учета хронотопа и интенции целого текста, «интервальность» без целостного учета общих и частных взаимосвязанных схем тексто- и смыслообразования, обозначенного в трудах Г.И. Богина как «техника растягивания смысла»; «ключевое слово» в трактовках легиона филологов-концептологов (но, например, не Мориса Бланшо); «цитата», вылавливаемая для доказательства никем не оспариваемого тезиса о непрерывности⁸ опыта языка в аспекте текстообразования и т.д. И в каждом таком случае выявляемая *нонсенсность перевода* (сиречь переводного, вторичного текста как объекта приложения переводческой деятельности) *соответствует нонсенсности текстоида* 'Lorem ipsum' – то есть такого текста, общественная функция которого заключается не в том, чтобы транслировать некий смысл, а в том, чтобы занимать место (выполнять функцию семантического нуля: англ. – placeholder) «переведенного» («убитого» или «покалеченного») оригинального текста.

Чего же собственно мы достигли в трактовке 'lorem ipsum'?

1. Установили деятельностный смысл текстоида, независимый от авторской ситуации порождения его прототипа;

---

⁷ Поскольку при всем этом мы не пытались ни установить в точности смысл исходного цicerоновского текста, ни выявить полный алгоритм искажения сообщения. И уж точно не вникали в суть гипотетической задачи по его искажению – Ratio distortionis. Иными словами, мы обошли стороной человека, оперировавшего над текстом с целью его представления в иной системе записи.

⁸ Как контрбаланса его прерывности (см. старая знакомая антиномия кода и текста).

2. Установили с известной долей вероятности оригинальный источник текстообразования (?? – А.Б.);

3. Установили смысл известного исходного текста как не-новый (Традиция широкого знакомства с идеями трактата Цицерона «О пределах добра и зла» в Европе не прерывалась. Достаточно упомянуть в этой связи об использовании его положений в известнейшем трактате Гуго Гроция.).

При этом о каких-либо *герменевтических* успехах мы в данном случае можем говорить лишь с большой долей сомнения. И вот лишь часть вопросов, которыми оно обусловлено. В самом ли деле одного знака достаточно для однозначного определения текста-источника? Должны ли мы считать, что источником образования текстоида послужил только один текст, лишь на четверть представленный в нем в узнаваемом виде, или же несколько различных текстов? Должны ли мы считать, что «Цицеронов» текст не прошел никаких стадий искажения до его «творческой переработки» в форму данного нам текстоида? Или, быть может, мы имеем дело, в лучшем случае, с приведенной в составе чуждого Цицерону текста развернутой цитатой из упомянутого трактата? Следует ли нам расценивать метод идентификации текста джентльменом из Вирджинии как сильное или как слабое место объяснительной конструкции? В чем собственно состоит в данном случае используемая *герменевма*⁹? Что заставляет множество читателей энциклопедий *находить удовлетворительным* объяснение текстоида ‘Lorem ipsum’ ссылкой на трактат Цицерона? Что именно она проясняет? Какие насущные (т.е. *не-досужие*) вопросы решает?¹⁰ Всегда ли положительный формальный (в том числе – «математический») анализ требует положительного герменевтического заключения? И если вдруг нет, то что, если не *совесть интерпретатора*, означают слова «научиться пользоваться математикой»?

Разумеется, определенные формальные совпадения существенны в перспективе герменевтических наблюдений. Например, некто Г.Г. Пиков утверждает буквально следующее: «Библия активно используется для доказательства того, что ислам – это пародия на христианство. Если христиане верят в Троицу, то мусульмане поклоняются Троице извращенной, абсурдной, состоящей из Аполлена (Аполлона), Тервагана и Магомета». При этом отсутствие упоминаний последних в Библии, если только не иметь в виду Аваддона-Аполлиона, как и выражения «Троица», толкователя, по-видимому, *нисколько не смущает* (а меня *смущает* именно последнее обстоятельство). И всё же едва ли стоит полагаться на одни лишь

---

⁹ *Hermeueuma* (греч.) – буквально разъяснение. Под «герменевмой» мы имеем в виду технику разъяснения, лежащую в основе риторического акта, доводящего до аудитории обоснование некоторого интерпретационного заключения, проистекающего из конкретного герменевтического открытия.

¹⁰ В упоминаемом выше фрагменте 1.10.32 из трактата Цицерона ‘De finibus bonorum et malorum’ как раз говорится о том, что здравому человеку не следует ставить в вину отказ от приложения мучительных усилий без надежды на доброе вознаграждение своих трудов.

формальные совпадения без уважения к интенции и фактуре текста. Например, один исследователь (Чернявская 2007: 19) утверждает, что в тексте Пригова содержится «*прямая*» библейская цитата «Не убейте!». А между тем поисковая Библия даёт лишь один вариант *прямого* свидетельства: «убейте» [Лев.20:15; Чис.25:5; Чис.31:17; 2Цар.13:28] и ни разу «не убейте». Впрочем, второй сегмент высказывания в «материнском тексте» немалой протяженности определенно присутствует. Чем не повод быть «филологически» (формально, статистически) правым? Не могу исключить также, что статистическая сумма переводов новеллы Э. Поэ ‘The Fall of the House of Usher’ содержит в себе формальное основание для признания (по количеству совпадений) в качестве исходного текста перевода Ш. Бодлэра, а вовсе не оригинального текста Эдгара Поэ. Но когда бы все оригинальные тексты действительно стремились к стандартности, то что бы за потребность была в знакомстве с ними, а не с некоторыми усредненными схемами?

04. В целом мы полагаем, что Герменевтика как индуктивно-дедуктивный метод парадоксальным образом реализует **свободный выбор** «в свете открываемой истины»; подобно плющу на камне она распространяется и в малопитательной среде и даже процветает в ней, но *не живет* теми интерпретационными практиками, в которых царит *предрешенность* в виде правил строгой импликации, «исключения третьего» (и тем более – частотного анализа).

Насколько мне представляется, о герменевтике перевода / переводного текста можно говорить, например, в следующих случаях:

1. Когда, располагая доступом к переводному тексту (или нескольким), но не к исходному тексту, филолог напрягает всю имеющуюся в его распоряжении рефлексию для восстановления по возможности максимально точного и полного образа исходного текста.

2. Когда, уже располагая одновременно исходным и переводным текстами, критик пытается представить себе не ту часть переводческого труда (деятельности), которая отвечает за автоматизированной языковой конвенцией целевого текста подбор эквивалентов для сегментных единиц исходного, а ту саморедактуру переводчика, которая исключает определенные (статистически вероятные / логически приемлемые) субституенты из списка пригодных и заменяет их на *иные*, представляющиеся неожиданными или не-аутентичными понятой критиком интенции целого текста.

3. Когда при чтении переводного текста герменевт пытается отличить цензуру редактора издания от самоцензуры переводчика, не заглядывая никому из них через плечо и не роясь в их мемуарах, а лишь опираясь на данности переводного текста и собственные рефлексивные ресурсы.

Разумеется, представленный список герменевтико-переводоведческих практик далеко не полон (да мы и не стремились здесь к полноте перечня), но, надеемся, он всё же способен послужить обозначению вектора больших ожиданий по отношению к «герменевтике перевода».